

Актуальные вопросы профилактики скулшутинга в условиях образовательных организаций (В. А. Бошук, С. В. Бошук МКУ РЦ «Детство», г. Краснодар)

01.11.2024

Тяжесть последствий реализации террористических угроз требует их комплексного и всестороннего изучения в целях своевременного принятия мер по нейтрализации и профилактике. Одной из таких угроз является скулшутинг — вооруженное нападение учащегося (реже — стороннего человека) на людей, находящихся внутри учебного заведения. Для скулшутинга характерно применение не только огнестрельного, но и холодного оружия, а также взрывчатых веществ. Основными опасностями данного деяния являются: покушение на убийство, убийство, самоубийство, поджог, подрыв. В данной статье сделан акцент на психолого-педагогической феноменологии скулшутинга и профилактике этого явления в условиях образовательных организаций, прежде всего школ. Главным символом скулшутинга стала школа «Колумбайн» в г. Денвере (штат Колорадо, США), в которой в 1999 году произошло вооруженное нападение двух ее учеников (Э. Харриса и Д. Клиболда) на своих одноклассников. С тех пор понятие «колумбайн», став нарицательным, служит ярким маркером культуры скулшутеров. В России субкультура скулшутинга сформировалась в 2017 году. Вооруженные нападения внутри учебного заведения случались и раньше, но были очень редки. Первый прецедент в XXI веке, отнесенный к скулшутингу, произошел 2 февраля 2014 года в школе № 263 района Отрадное г. Москвы (преступник — С. Гордеев). С 2018 года подобные случаи участились, а за последние пять лет предотвращено более 20 подобных попыток. Среди формальных признаков скулшутинга выделим следующие: преступник или преступники учились в той школе, где совершили деяние; ранения и убийства были умышленными, но не имели корыстных мотивов; планирование и организация нападения были осуществлены заранее и сводились к демонстративным актам, направленным на убийство неопределенного круга лиц; в большинстве случаев использовалось огнестрельное оружие. Стрельба в людей, с одной стороны, нецеленаправленна, а с другой, обнаруживает черты избирательности, когда стрелок позволяет уйти тем, кто, по его мнению, заслуживает возможности остаться в живых. Акт скулшутинга для стрелка служит итоговой реализацией давнего замысла, передачей своего последнего сообщения окружающим через действие. Изучая общую значимую причину скулшутинга, американский исследователь Джоэл Капеллан в своей диссертации 2016 года описал, что поведение скулшутера в большей степени соответствует поведению самоубийцы, чем убийцы. В связи с этим он упоминает труд социолога Э. Дюркгейма «Самоубийство», который пришел к выводу, что психоэмоциональное состояние индивида зависит от силы социальной сплоченности сообщества, в котором он находится. А на последнюю влияют интеграция (внедрение) и регуляция (контроль, направление отношений). Избыток социального давления и регуляции, равно как и недостаточная социальная вовлеченность, формируют у отдельных лиц склонность к суициду. Так, в работе Д. Капеллана скулшутинг представлен как экстремальная форма суицида,

Национальный антитеррористический комитет

вызванная недостатком социальной интеграции. Это, в частности, объясняет, что практически все стрелки — лица мужского пола, поскольку у женщин с детства лучше развиты социальные навыки и они лучше интегрированы в коллектив. Также стоит обратить внимание на то, что скулшутинг всегда связан с определенными концепциями, сверхценными идеями, часто — с манифестами, а все эти продукты мышления в большей степени характерны для мужчин. Таким образом, истинной причиной скулшутинга как явления можно назвать отчуждение и переживание людьми одиночества, даже если внешне они не выглядят одиночками. Один из самых спорных вопросов в обсуждении скулшутинга заключается в том, какую роль в становлении школьного стрелка играет буллинг. Казалось бы, связь этих двух деструктивных явлений напрашивается сама собой: принято считать, что тихого замкнутого парня долго обижают, тем самым доводя до учинения расправы. Однако при изучении историй скулшутеров выясняется, что далеко не каждый из них переживал травлю, и, более того, они нередко сами были агрессорами.

Скулшутер — это скорее незамеченный подросток или затаивший обиду и зависть агрессор, чем жертва издевательств, иначе подобных случаев было бы намного больше. В ходе длившегося на протяжении 25 лет исследования К. Дж. Фергюсоном установлено, что 71 % стрелков были убеждены, что их травят (всего был изучен 41 скулшутер, «чувствовавший несправедливое отношение к себе со стороны других»). Если учесть недостаток социальной интеграции в жизнь класса и школы, легко убедить себя в том, что вас недооценили и, например, по сговору изолировали. При слабой интеграции снижается желание считать себя частью группы, а значит, сепарация только усиливается. Порядка 80 % нападавших подвергались вербальной агрессии (насмешкам и оскорблениям). Других связей между скулшутингом и буллингом не выявлено. Кроме того, в наши дни скулшутеры могут проходить (и проходят) идеологическую обработку модераторами-вербовщиками в сети «Интернет», и это также объясняет, почему говорится о буллинге — ведь внушение потенциальному стрелку, что его унижают и недооценивают, является частью идеологической обработки со стороны вербовщиков. Подводя итог обсуждению влияния буллинга на скулшутеров, следует сделать вывод, что в конкретном случае травля может служить провоцирующим фактором, однако вовсе не является обязательной или ключевой причиной нападения на школу. Довести ученика до насилия может все, что усугубляет его депрессию, страх и гнев. У скулшутеров слишком много индивидуальных особенностей и различий, поэтому нельзя предугадать, где и когда в следующий раз произойдет инцидент. Однако попытки составить общий психологический портрет скулшутера не прекращаются. Согласно укоренившемуся в сознании исследователей образу преступник — чаще всего замкнутый, «себе на уме» парень от 14 до 20 лет, испытывающий проблемы с самореализацией и вовлеченностью в социум, страдающий от комплекса неполноценности, фрустрированности и чувства собственной недооцененности обществом. Социальные блага кажутся ему недоступными, а окружающий мир воспринимается как неправильный и неподходящий ему для самовыражения. Так, клинический психолог П. Лангман на основе изучения американских стрелков выделил три типа их личности: психопатический, психотический и травмированный. Стрелкам психопатического типа (Э. Харрис, Э. Голден) свойственны нарциссизм, эгоизм и эгоцентризм, отсутствие морали как препятствия на пути к достижению целей, отсутствие угрызения совести и эмпатии, трудное управление гневом, а также определяющее именно для стрелков качество — садизм. Когда антисоциальные и нарциссические черты входят в реакцию с садистским характером, комбинация становится особенно опасной с точки зрения скулшутинга. Стрелки психотического типа (Д. Клиболд, М. Карнил, С. Гордеев, В. Росляков, И. Галявиев, Т. Бекмансуров) частично или полностью потеряли связь с реальностью: у них отмечены различные сочетания параноидного бреда, мании величия, слуховых галлюцинаций («несуществующие голоса») и серьезных социальных нарушений. Стрелки-психотики страдали от депрессии, были склонны к суициду и злились на несправедливость, ненавидя себя и других. Они не оправдали ожидания в семье, школе, не преуспели и в общении со сверстниками, ощущая безнадежное одиночество даже при наличии друзей. П. Лангман обращает внимание на отличительную черту стрелков-психотиков по сравнению с простыми психотиками: они были младшими братьями в семье, где старшие дети демонстрировали

Национальный антитеррористический комитет

заметные успехи, а также имели серьезные конфликты с родителями (отвержение со стороны отцов и враждебные отношения с матерью). К травмированным стрелкам (М. Джонсон, Дж. Уиз) относятся преступники с проявлениями посттравматического стрессового расстройства (комплексы, депрессия, враждебность, стыд, отчаяние и чувство безнадежности) после жестокого обращения. У травмированных подростков снижена способность выражать чувства, они ощущают себя отделенными от других, демонстрируют так называемую сверхбдительность (постоянно находятся настороже из-за угроз их безопасности). Стрелкитравматики попадали под влияние сверстников, подстрекавших их на совершение акта скулшутинга или на соучастие в нем. П. Лангман отмечает, что описанные им три типа стрелков — не обязательно единственные. Кроме того, они могут относиться более чем к одному типу. Подытоживая причины и характеристики, способствующие проявлениям скулшутинга, можно разделить их на внешние и внутренние. К внешним причинам относятся: слабая интеграция в социум (отсутствие должного внимания к подростку, невовлеченность в групповое общение и дела, трудности в общении, конфликты, изоляция); психофобия со стороны окружающих (нетерпимость и дискриминация страдающего психическими расстройствами); насмешки и другая вербальная агрессия; проблемы в отношениях с девушками (отсутствие внешнего интереса к ним, неудачи в общении, отчуждение, низкая самооценка, отвержение ими или страх быть отвергнутым и т. д.); подогрев интереса и наличие у подростка доступа к оружию; повышенный интерес подростка к сценам насилия, экстремистским материалам; влияние на радикализацию подростка со стороны, в том числе через социальные сообщества и сеть «Интернет». К внутренним причинам относятся: отсутствие эмпатии (из-за гнева; ощущение себя чужим); экзистенциальный гнев, то есть гнев на условия своего существования; депрессивное состояние, суицидальные мысли и наклонности, экзистенциальные тревоги (ощущение бессмысленности всего происходящего, разочарование, упадничество); внушаемость и ведомость (от радикализации до подстрекательства и соучастия); психические отклонения; саморадикализация; стыд, недостаток мужества и зависть сверстникам (например, ввиду физической неразвитости; окружение в школе также символизирует для подростка то, чем он не обладает — востребованность, коммуникабельность и успешность); переживание сексуальной несостоятельности, сексуальные комплексы; желание мести, расправы, сведения счетов; экстремальная реактивность (неадекватные отклики на нормальные события ввиду эмоциональной неустойчивости и хрупкого самовосприятия). Все действующие на подростка факторы оказывают влияние пролонгировано, то есть воздействуют на протяжении длительного времени. В связи с темой скулшутинга считаем важным обратить внимание на интернет-субкультуру инцелов, среди которых скулшутинг находит значительный отклик. Несмотря на участие некоторого числа инцелов в группах по тематике скулшутинга, причислять их представителей к экстремистам неверно, тем более что тема инцелов пока не фигурирует в историях с известными скулшутерами. Образ инцела во многом напоминает подростка, который способен задуматься о совершении акта скулшутинга. Согласно результатам опросов на зарубежных сайтах инцелов, типичный их представитель — это социально изолированный мужчина изгой, страдающий от депрессивных и тревожных состояний и нередко расстройств аутистического спектра, с низкой самооценкой, ненавистью к себе, суицидальными наклонностями и пессимистическим восприятием будущего. Однако большинство таких лиц скорее стремится изолироваться от мира, чем отомстить ему, поэтому их активность ограничивается преимущественно интернет-средой. Инцелы и в дальнейшем не обратили бы на себя внимания, если бы некоторые из их представителей не совершили ряд резонансных массовых убийств в 2010-е годы (Э. Роджер, К. Харпер-Мерсер, А. Минасян и др.). Указанные молодые люди решили, что в их проблемах виноваты не они сами, а все женщины или общество в целом, которым следует отомстить. Поэтому сильнейшая сексуальная фрустрация и депривация, переживание чувств неполноценности, несправедливости, зависти к успешным сверстникам способны подтолкнуть молодого человека к совершению преступления, что может быть выражено и в виде школьных расстрелов. Тему процветания деструктивных культур в интернет-пространстве стоит раскрыть подробнее с учетом того, что через

Национальный антитеррористический комитет

всемирную Сеть происходит вербовка адептов идеологии скулшутинга и экстремизма. Так, 2 февраля 2022 года Верховным судом Российской Федерации международное молодежное движение «Колумбайн» было признано террористической организацией, что представляется совершенно оправданным тем, что некоторые подростки подвергаются длительному воздействию идеологии скулшутинга через материалы в колумбайн-сообществах, а затем готовятся напасть на школу. Приобщение к террористической идеологии «колумбайна» начинается, как правило, с юмористических картинок, мемов, а заканчивается изучением личностей псевдогероев (прежде всего Э. Харриса и Д. Клиболда). Деятельность интернет-модераторов по продвижению идеологии «колумбайна» в молодежной среде можно разделить на несколько этапов: пропаганда идей человеконенавистничества и насилия, героизация скулшутеров; вовлечение лиц из числа интернет-пользователей в тематические сообщества деструктивной направленности; выявление лиц, имеющих мотивы мести в отношении учащихся и персонала образовательных организаций; склонение мотивированных лиц к совершению акта скулшутинга. Лица, подверженные идеологии «колумбайна», могут быть условно разделены на три категории: а) вступившие в тематические интернет-сообщества без цели совершения акта скулшутинга; б) имеющие склонность и мотивы к совершению акта скулшутинга; в) планирующие совершение акта скулшутинга. Так, первая категория лиц расценивается как наиболее «безобидная», однако, даже случайно зайдя в тематический паблик, подросток может заинтересоваться контентом, вступить в обсуждение темы и завязать общение с участниками сообщества. Впоследствии это может стать толчком к изменению его взглядов и радикализации. Основными каналами распространения информации являются социальные сети «ВКонтакте», «ТикТок» и мессенджер Telegram. Многие сообщения содержат признания в любви и сочувствие к преступникам, одобрение их действий. Сочувствие же к жертвам встречается гораздо реже. После каждого случая стрельбы преступник непременно получает свою порцию популярности. К механизмам распространения информации о скулшутинге относятся: 1) упоминание ключевых фигур скулшутинга (Э. Харрис, Д. Клиболд, В. Росляков и др.). Им посвящены сообщества, страницы, где публикуются их биографии, фотоматериалы и иная информация, касающаяся их жизни; 2) романтизация и героизация скулшутеров, которая происходит через распространение их биографических данных (фотографий, цитат из личных дневников, воспоминаний друзей и близких), причем информационный акцент смещен в сторону оправдания поступков убийц. Романтизация школьных стрелков происходит потому, что подростки зачастую не находят достойных примеров для подражания и ценностных ориентаций. Мальчики-подростки видят свой идеал в «антигерое», который пошел против системы, сделал то, на что никто из них не решился бы; девочки же героизируют скулшутеров, видя в них или сильных, решительных мужчин или жертв борьбы с системой, по отношению к которым у некоторых школьниц включается комплекс спасательницы; 3) популяризация идей скулшутинга через мемы, атрибутику (белые футболки с надписями «Гнев», «Ненависть», «Естественный отбор» на русском или английском языке, черный длинный плащ, перчатки без пальцев), текстовые ролевые игры на форумах (возможность выбрать персонаж скулшутера и проработать механизмы нападения на собственную школу), музыкальные произведения; 4) популяризация интереса к огнестрельному оружию в тематических сообществах (особенно к оружию, которым пользовались известные скулшутеры), фотографии с оружием; 5) пропаганда насилия над педагогами и учащимися через демотиваторы с высмеиванием учителей, челленджи, направленные на дискредитацию образа учителя; 6) популяризация фильмов, снятых по мотивам событий в школе «Колумбайн»: «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины», «Апрельские дожди» и др.; 7) использование языковых маркеров поклонников скулшутеров (колумбина, колумбайнер, апрельские мальчики); 8) возможность солидаризации с «единомышленниками» через закрытые сообщества. В результате такой направленной обработки интересы потенциальных последователей будут иметь много общего с историей Э. Харриса и Д. Клиболда. Для калибровки и определения состояния человека и учета того, какие болевые точки будут у подростка, проявляющего признаки вовлеченности в экстремистскую деятельность, важно оценивать скорее не отдельные интересы, а поведение

Национальный антитеррористический комитет

потенциального скулшутера на предмет готовности совершения преступления. Оценка такого поведения должна быть сосредоточена на учениках, представляющих угрозу своим поведением, допускающих так называемую утечку, разоблачение планов будущего стрелка. При этом одним типом «утечки» являются случаи, когда злоумышленник пытается привлечь к нападению друга, а другим — когда он просит некоторых людей не приходить в школу в определенный день. П. Лангман обозначает следующие признаки поведения потенциального скулшутера: составляет список будущих жертв; рисует схемы школы, план нападения; рассказывает об оружии в контексте нападения на школу, подготовке плана по нападению и взрыву школы; рассказывает о концепциях, идеях, в которых содержится противопоставление себя миру, проявляет злобу, обиду, превозносит себя над другими, показывает приверженность какой-либо экстремистской идеологии (например, нацизму); высказывает реалистичные угрозы и намерения. Угроза считается существенной, если указываются подробности о времени, месте или способе нападения («я сделаю это завтра», «не приходи в класс в понедельник»). Работа по профилактике скулшутинга, осуществляемая в первую очередь педагогами-психологами, социальными педагогами и классными руководителями образовательных организаций, должна заключаться в психологической и социально-педагогической работе с учениками, которая позволит своевременно обнаружить предпосылки преступных действий и предотвратить их, оказав помощь подростку. Очень важна профилактика отчужденного одиночества и мероприятия по сплочению класса, повышению интеграции каждого ученика (через тренинги, круги сообществ, совместные праздники, походы и т. п.). Обретение поддержки и ощущения значимости среди других позволит снизить риски любого деструктивного поведения.

К профилактическим мерам, направленным на предотвращение проявлений скулшутинга, относятся:

1. Укрепление эмоциональной устойчивости с помощью обучения навыкам борьбы со стрессом и/или навыкам общения (тренинги, консультации, беседы).
2. Беседы и круглые столы с учениками на тему вооруженных нападений в учреждении, а также о мерах защиты от них. Важно рассказать обучающимся об истории возникновения этой проблемы и о безопасном поведении в таких ситуациях. В процессе дискуссии ребята смогут высказать свое мнение по теме скулшутинга, предложить способы помощи тому, кто высказывает угрожающие намерения.
3. Беседы для учителей. Педагогам нужно знать о профилактике буллинга, о том, как заметить жертву или агрессора, как оказать помощь и поддержку, как себя вести, чтобы не способствовать буллингу. Даже если учителя этому обучены, им будут полезны практические занятия по действию и защите обучающихся в результате скулшутинга.
4. Родительские собрания. На собраниях родителям следует рассказать о том, как хранить оружие в доме, если оно имеется; как говорить с ребенком (сыном), чтобы он хотел что-то рассказывать, делиться переживаниями; на что обратить внимание, чтобы предотвратить беду; к каким последствиям может привести умение ребенка обращаться с оружием, особенно если он имеет психические отклонения.
5. Составление памяток, посвященных вопросам недопущения стрельбы в школе (для родителей, например, об особенностях и рисках подросткового возраста, о правильном хранении огнестрельного оружия в доме; для обучающихся — что делать в ситуации буллинга; как поддержать одноклассника; что делать в случае вооруженного нападения в школе; для учителей — как оказать поддержку детям; как защитить детей и себя в таких ситуациях).
6. Урок отработки практических умений у педагогов и учеников. На уроке обыграть ситуацию стрельбы в классе и на практике показать, как нужно себя вести в подобных ситуациях.
7. Приглашение специалистов, которые могут рассказать о разных аспектах противоправного поведения (например, об уголовной ответственности, о ценности сохранения жизни, о причинах скулшутинга). В качестве эффективного инструмента профилактики деструктивного поведения подростков следует назвать также медиативный подход, то есть посредничество в решении конфликтных ситуаций, собрание круга сообществ для решения какой-либо проблемы в классе и т. п. Эффективность медиативных техник обусловлена обеспечением

Национальный антитеррористический комитет

открытого диалога всех членов группы и поиска решения через сотрудничество. К процессам профилактики необходимо подключать и родителей подростков, которые могут принять участие в выстраивании поддерживающих и заботливых отношений в семье. Открытое общение позволит родителям быстро реагировать при возникновении проблем, поэтому желательно знать друзей своего ребенка, как он проводит свободное время, куда он ходит, чем занимается, какие сайты посещает, что публикует на своих страницах в соцсетях; терпит ли он обиды, испытывает ли недовольство окружением, обществом, человечеством; интересуется ли он оружием и имеет ли к нему доступ; погружен ли он в депрессию; является ли изгоем, и если нет, то насколько осознанно вовлечен в общественную деятельность. Родители должны уметь отследить признаки потенциального насилия (например, если прочтут рассказ, дневник или контент на странице своего ребенка в соцсетях), распознать возможную репетицию нападения на школу. Такая репетиция может принимать формы рисунков, мультфильмов, видеозаписей, рассказов, фотографирование себя с оружием или на фоне оружейного арсенала. Гарантированного метода опознать потенциального убийцу по содержанию его рассказа не существует, однако взрослых должно насторожить, если сам ученик отождествляется с преступником (по имени, внешним чертам, одежде, привычкам), а также называет своих жертв именами одноклассников, если оправдывает убийства и выражает восхищение преступником на грани поклонения. К этапам непосредственной работы с подростками, проявляющими признаки вовлечения в деструктивное движение, в условиях школы можно отнести:

- 1) поддержку учеников, подход к ним с позиции помощи, исключение возможности противостояния учеников с администрацией школы;
- 2) выработку процедур борьбы с травлей (беседа и оказание помощи жертве, помощи или другого приемлемого воздействия на агрессора, их родителям, проведение круга сообществ, выработка и принятие правил поведения в классе, повышение вовлеченности учеников);
- 3) выработку процедуры «присоединения». При обнаружении признаков участия в деструктивном движении не стоит пытаться сразу переубедить подростка. Без осуждения и угроз нужно узнать, почему ему нравится это движение, что он получает или ожидает получить от участия в движении, какие ценности и потребности подростка нашли отклик в идеологии скулшутинга. Далее специалист (педагог-психолог, социальный педагог) помогает подростку найти внутренние ресурсы и задействовать их для ослабления эмоционального накала, исследовать альтернативные способы обретения желаемого чувства. Помощь подростку должна быть оказана с позиции сопровождающего (старшего товарища, наставника), а не с позиции обвиняющего и контролирующего его взрослого. Таким образом, осуществление в среде учащихся постоянной профилактической работы, направленной на создание позитивной школьной культуры, устранение предпосылок к подростковым конфликтам и издевательствам, принятие мер для интеграции учеников при сохранении бдительности будут способствовать предотвращению вооруженных нападений в образовательных организациях.

Подробнее о Актуальные вопросы профилактики скулшутинга в условиях образовательных организаций (В. А. Бошук, С. В. Бошук МКУ РЦ «Детство», г. Краснодар)
Краснодарский край